

RU

Образование и просвещение на Северном Кавказе в системе факторов распространения российской власти в регионе в первой половине XIX века

Терещенко О. В.

Аннотация. В статье исследуется роль образования и просвещения в процессе утверждения и распространения российской власти на Северном Кавказе в первой половине XIX столетия. Целью исследования является доказательство того, что образование и просвещение сыграли важную роль в общей стратегии России по интеграции Кавказа в имперское пространство. Научная новизна заключается в системном рассмотрении образовательных инициатив как одного из инструментов «мягкой силы» Российской империи, направленного на интеграцию горских народов, формирование лояльных элит и распространение российского культурного влияния. В статье прослеживается эволюция подходов российского правительства к организации обучения горцев, выявляются трудности и противоречия этого процесса. Рассматриваются такие формы, как аманатские школы, военные учебные заведения, попытки создания светских школ, а также значение распространения русского языка. Результаты исследования показывают, что, несмотря на ограниченность масштабов, финансовые и кадровые трудности, а также сопротивление части местного населения, образовательная политика в первой половине XIX века заложила основы для последующей интеграции северокавказских народов в общероссийское культурное и политическое пространство, способствуя постепенному формированию слоя горской интеллигенции, ориентированной на Россию и тем самым содействуя укреплению позиций империи в стратегически важном регионе.

EN

Education and enlightenment in the North Caucasus as factors in the expansion of Russian authority in the region during the first half of the 19th century

O. V. Tereshchenko

Abstract. The article examines the role of education and enlightenment in the process of establishing and expanding Russian authority in the North Caucasus during the first half of the 19th century. The aim of the study is to demonstrate that education and enlightenment played a significant role in Russia's overall strategy for integrating the Caucasus into the imperial space. The scientific novelty lies in the systematic consideration of educational initiatives as one of the tools of the Russian Empire's "soft power," aimed at integrating mountain peoples, forming loyal elites, and spreading Russian cultural influence. The article traces the evolution of the Russian government's approaches to organizing education for the mountaineers, identifying difficulties and contradictions in this process. Forms such as amanat schools, military educational institutions, attempts to establish secular schools, and the significance of spreading the Russian language are examined. The results show that despite the limited scale, financial and personnel challenges, as well as resistance from parts of the local population, educational policy in the first half of the 19th century laid the foundations for the subsequent integration of North Caucasian peoples into the all-Russian cultural and political space, contributing to the gradual formation of a mountain intelligentsia oriented toward Russia and thereby strengthening the empire's position in this strategically important region.

Введение

Актуальность исследования проблем образования и просвещения на Северном Кавказе в первой половине XIX века обусловлена непреходящим научным и общественно-политическим интересом к истории вхождения

этого сложного и полиэтничного региона в состав Российской империи. В современных условиях, когда вопросы межнационального согласия, сохранения культурной самобытности народов и формирования единого гражданского пространства не теряют своей остроты, обращение к историческому опыту взаимодействия российской власти с горскими обществами, в том числе через сферу образования, представляется особенно значимым. Первая половина XIX столетия стала периодом активного военно-политического и административно-просветительского проникновения России на Северный Кавказ, сопровождавшегося не только военными действиями, но и попытками инкорпорировать местные народы в имперскую систему. В этом контексте образовательные инициативы, пусть и ограниченные на начальном этапе, выступали одним из инструментов достижения долгосрочных целей российской политики, направленных на «умиротворение» края и его последующую интеграцию.

Несмотря на наличие значительного корпуса исследований, целенаправленный анализ образовательной политики как фактора распространения российской власти на Северном Кавказе именно в первой половине XIX века, с акцентом на ее системное взаимодействие с военно-политическими и социально-экономическими процессами и с пророссийских позиций, все еще требует дальнейшего углубленного изучения.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

- проанализировать военно-политическую и социально-экономическую обстановку в регионе как фон для реализации образовательных инициатив;
- выявить основные цели, направления и формы образовательной деятельности российской администрации;
- оценить степень влияния традиционных исламских образовательных институтов на политику империи;
- охарактеризовать практическую реализацию образовательных проектов, их масштабы, трудности и результаты;
- определить значение образования в формировании лояльных России слоев горского общества и в распространении русского языка и культуры.

Для проведения исследования был использован историко-генетический метод, при помощи которого процесс развития образования в северокавказском регионе в первой половине XIX века был рассмотрен в исторической динамике, и историко-системный метод, поскольку развитие образования в регионе было изучено в комплексе факторов, способствовавших распространению российской власти на Кавказе.

Материалом для исследования стали две группы исторических источников.

Первая группа – делопроизводственные материалы: официальные документы, донесения, проекты и отчеты, касающиеся управления Кавказом, в том числе и вопросов образования, изданные в «Актах, собранных Кавказскою археографическою комиссиею» (АКАК):

- Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею: в 12 т. / под ред. А. П. Берже. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1868. Т. 2;
- Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею: в 12 т. / под ред. А. П. Берже. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1882. Т. 9;
- Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею: в 12 т. / под ред. А. П. Берже. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1885. Т. 10.

Также были использованы делопроизводственные материалы, хранящиеся в фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА):

- РГВИА. Ф. 14257 (Штаб войск Кубанской области). Оп. 3. Д. 552. Л. 12 об.

Вторая группа – воспоминания непосредственных участников событий, чьи наблюдения позволяют реконструировать повседневную реальность и восприятие образовательных усилий российской администрации различными сторонами:

- Ермолов А. П. Записки: в 2 ч. М.: Высшая школа, 1991. Ч. 2;
- Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. М.: АИРО-XXI, 2008.

Также ко второй группе относятся воспоминания, находящиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ):

- ГАРФ. Ф. 677 (Александр III. 1845-1894 гг.). Оп. 1. Д. 511. Л. 1-36 об.

Несколько групп научных работ было использовано в качестве теоретической базы исследования. Во-первых, это работы имперского периода (Дубровин, 1871) и современные труды, характеризующие военно-политическую обстановку на Кавказе (Блиев, Дегоев, 1994; Гордин, 2000; Сладкова, 2009; Санеев, 2006). Во-вторых, это работы, касающиеся вопросов управления Кавказом – советские (Киняпина, 1983) и современные (Блиева, 1992; Арапов, 2004; Бабич, 2009). В-третьих, это современные труды, непосредственно раскрывающие вопросы развития образования на Северном Кавказе (Кошев, 1991; Блейх, 2018; 2020).

Материалы данной статьи могут быть использованы при разработке учебных курсов и научных работ как по истории Кавказа в целом, так и по истории образования в северокавказском регионе, что подтверждает ее практическую значимость.

Обсуждение и результаты

Первая половина XIX века на Северном Кавказе ознаменовалась напряженным и длительным процессом, вошедшим в историю как Кавказская война 1817-1864 гг. Российская империя, последовательно расширявшая

свои южные рубежи, столкнулась с ожесточенным сопротивлением ряда горских народов, не желавших подчиняться российской власти (Блиев, Дегоев, 1994). Политика Петербурга в регионе носила комплексный характер: военные экспедиции и строительство укрепленных линий сочетались с дипломатическими усилиями, экономическим воздействием и попытками административного устройства покоренных или добровольно присоединившихся территорий (Блиева, 1992, с. 32). Как отмечал генерал А. П. Ермолов, одна из ключевых фигур кавказской политики начала XIX века, «Кавказ – это огромная крепость, защищаемая многочисленным полумиллионным гарнизоном. Надо или штурмовать ее, или овладеть траншеями. Штурм будет стоить дорого. Так поведем же осаду!» (Цит. по: Гордин, 2000, с. 87). Эта метафора отражает долгосрочный и многоаспектный характер российской стратегии.

Социально-экономический строй горских обществ характеризовался значительным разнообразием: от феодальных владений в Дагестане и Кабарде до вольных военно-демократических союзов в Чечне и у западных адыгов. Объединяющим фактором для многих из них выступал ислам, игравший важную роль не только в духовной, но и в общественно-политической жизни (Арапов, 2004). Традиционная система образования была представлена преимущественно мектебами (начальными школами) и медресе (высшими школами) при мечетях, где основное внимание уделялось изучению Корана, арабского языка и основ мусульманского права (Бабич, 2009, с. 72). Эта система, обеспечивая определенный уровень грамотности и формируя мировоззрение, в то же время консервировала социальные структуры и зачастую способствовала росту антироссийских настроений, особенно под влиянием идеологии мюридизма (Сладкова, 2009, с. 174).

Российская администрация осознавала, что одно лишь военное превосходство не может гарантировать прочного контроля над регионом. Требовались меры, направленные на изменение сознания местного населения, его постепенное приобщение к российской государственности и культуре. В этом контексте образование начинало рассматриваться как один из потенциальных инструментов «умиротворения» и интеграции (Блейх, 2020, с. 383). Однако реализация образовательных проектов сталкивалась с огромными трудностями: продолжающаяся война, глубокое недоверие горцев ко всему русскому, языковой барьер, нехватка финансовых ресурсов и квалифицированных педагогических кадров, а также сильное влияние мусульманского духовенства.

Первые попытки внедрения российского образования на Северном Кавказе носили спорадический и зачастую вынужденный характер, будучи тесно связанными с военно-политическими реалиями. Одной из ранних форм образовательных учреждений стали так называемые «аманатские школы». Институт аманатства (взятие заложников из знатных горских семей для обеспечения лояльности их соплеменников) был широко распространенной практикой. Содержание аманатов требовало определенных усилий, и постепенно возникла идея использовать их пребывание в русских крепостях и городах для обучения русскому языку и грамоте (Кошев, 1991, с. 111). Цель была двоякой: с одной стороны, облегчить коммуникацию и управление, с другой – воспитать в молодых горцах симпатию к России, чтобы по возвращении на родину они стали проводниками российского влияния. В документах АКАК содержатся сведения об организации такого обучения. Например, в предписании Главнокомандующего на Кавказе генерала Цицианова от 1804 года говорилось о необходимости «обучать находящихся в Георгиевске аманатских детей российской грамоте и нужнейшим наукам, дабы они, возвратясь в дома свои, могли быть со временем полезными как своему отечеству, так и России» (АКАК, 1868, с. 502). Эффективность аманатских школ была ограниченной: обучение часто было поверхностным, а условия содержания аманатов не всегда способствовали формированию лояльности. Тем не менее сам факт таких попыток свидетельствует о понимании властями важности образовательного воздействия.

Значительную роль в распространении начальных знаний и русского языка играли военные структуры. Для детей солдат и казаков, служивших на Кавказской линии, открывались гарнизонные и войсковые школы. Иногда в них допускались и горские мальчики, особенно из семей, сотрудничавших с русской администрацией. Кроме того, русские офицеры и солдаты, контактируя с местным населением, вольно или невольно способствовали распространению отдельных русских слов и понятий. В некоторых случаях предпринимались попытки обучения горцев, поступавших на русскую военную службу, например, в Конвой Его Императорского Величества или в местные воинские формирования. Как вспоминал участник Кавказской войны Ф. Ф. Торнау, знание русского языка открывало для горцев определенные карьерные перспективы в рамках имперской системы (2008, с. 150-152).

Более системные проекты создания светских школ для горцев начали появляться ближе к середине XIX века, особенно в период наместничества князя М. С. Воронцова (1844-1854 гг.), который придавал большое значение «гражданскому управлению» и просвещению как средствам «замирения» Кавказа. Однако и до него выдвигались различные инициативы. Например, еще в 1830-х годах обсуждались проекты открытия училищ в ключевых центрах, таких как Ставрополь, Георгиевск, Моздок, Кизляр, с целью подготовки из горской молодежи переводчиков, писарей и мелких чиновников для местной администрации. В одном из докладов Учебного комитета при Главном управлении Кавказского края от 1848 года подчеркивалось: «Главнейшая цель образования туземцев должна состоять в сближении их с русскими, в привитии им наших понятий, нравов и обычаев и в приготовлении из них полезных слуг правительства в самом их крае» (АКАК, 1885, с. 422).

Основными предметами в таких школах предполагались русский язык (чтение, письмо, грамматика), арифметика, начальные сведения из русской истории и географии. Особое внимание уделялось русскому языку, который рассматривался как ключевой инструмент коммуникации и интеграции. Однако реализация этих планов наталкивалась на множество препятствий. Как отмечалось в отчете попечителя Кавказского учебного округа за 1850 год, «привлечение горских детей в школы сопряжено с большими затруднениями,

проистекающими как от недоверчивости родителей, так и от недостатка средств на их содержание и от неимения учителей, знающих местные наречия» (АКАК, 1885, с. 451).

Деятельность отдельных просветителей и чиновников также играла свою роль. Например, генерал Н. Н. Раевский-младший, будучи начальником Черноморской береговой линии, проявлял интерес к просвещению горцев, хотя его возможности были ограничены условиями войны (Санеев, 2006, с. 70). Важно отметить, что имперская администрация не всегда действовала последовательно и образовательные инициативы часто зависели от взглядов и энергии конкретных руководителей на местах.

Содержание образования в немногочисленных школах, доступных для горцев в первой половине XIX века, было строго утилитарным и идеологически выверенным. Главной задачей было научить русскому языку, который открывал путь к дальнейшему общению с администрацией и службе. Помимо русского языка, арифметики, основ географии и истории России иногда преподавались и практические навыки. Например, в некоторых проектах предлагалось обучать горцев ремеслам, что могло бы способствовать их экономической интеграции (Блейх, 2018).

Помимо открытия школ на Кавказе практиковалась отправка отдельных представителей горской молодежи, преимущественно из знатных родов, на учебу в центральные российские учебные заведения – кадетские корпуса, университеты, специальные училища. Предполагалось, что, получив европейское образование и познакомившись с русской культурой и образом жизни, эти молодые люди вернутся на родину убежденными сторонниками России и будут способствовать ее влиянию. Такие случаи были немногочисленны, но имели определенный резонанс. Некоторые из этих выпускников действительно сделали успешную карьеру на русской службе, однако не всегда оправдывали возлагавшиеся на них надежды в плане полного отрыва от своих корней и традиций (ГАРФ, ф. 677, оп. 1, д. 511, л. 1-36 об.).

Реакция горского населения на образовательные инициативы России была неоднозначной. Большая часть населения, особенно в условиях продолжающейся войны и под влиянием антироссийской пропаганды со стороны духовенства и военных предводителей, относилась к русским школам с крайним недоверием и враждебностью. Родители опасались, что их детей обратят в христианство (хотя официально это не декларировалось и даже запрещалось в отношении мусульман без их добровольного желания), что им привьют чуждые обычаи и оторвут от родной культуры. В «Записках» А. П. Ермолова упоминается, что «горцы с неохотой отдавали детей в школы, боясь, что их сделают русскими и научат презирать обычаи отцов» (1991, с. 234).

Тем не менее определенная часть горской знати, более дальновидная или стремящаяся к сотрудничеству с новой властью, видела в русском образовании пользу для своих детей. Знание русского языка и грамоты давало преимущества в общении с русской администрацией, открывало возможности для службы, торговли. В некоторых случаях отдача детей в русские школы была вынужденной мерой, продиктованной политической конъюнктурой (РГВИА, ф. 14257, оп. 3, д. 552, л. 12 об.).

Несмотря на все трудности, образовательная деятельность, пусть и в скромных масштабах, постепенно приносила свои плоды. Формировался тонкий слой горцев, владеющих русским языком, знакомых с русской культурой и в той или иной степени лояльных России. Эти люди становились переводчиками, мелкими чиновниками, офицерами в военных частях. Они выступали посредниками между русской администрацией и местным населением, способствуя, хотя и медленно, процессу взаимной адаптации.

Ключевыми трудностями на пути распространения российского образования оставались:

1. Нехватка финансовых средств: казна выделяла на образование на окраинах, особенно в условиях войны, весьма ограниченные суммы.

2. Дефицит квалифицированных педагогических кадров: учителей, готовых работать в сложных условиях Кавказа и знающих местные языки, катастрофически не хватало. Часто эту роль выполняли случайные люди – отставные военные, мелкие чиновники.

3. Языковой барьер: преподавание велось на русском языке, что создавало огромные трудности для горских детей. Отсутствие учебников и методик преподавания русского языка как иностранного усугубляло проблему.

4. Культурные и религиозные барьеры: глубокие различия в менталитете, обычаях, религиозных верованиях порождали отчуждение и недоверие. Традиционное исламское образование продолжало доминировать и пользоваться большим авторитетом у населения. В донесениях кавказских администраторов часто указывалось на противодействие мусульманского духовенства открытию русских школ (АКАК, 1882, с. 255).

5. Нестабильная военно-политическая обстановка: продолжающаяся Кавказская война создавала атмосферу враждебности и делала невозможным планомерную и ширококомасштабную образовательную деятельность во многих районах.

В контексте общей стратегии Российской империи на Северном Кавказе образование, наряду с экономическими рычагами и административными мерами, может рассматриваться как один из инструментов «мягкой силы». В отличие от прямого военного принуждения, образовательное воздействие было направлено на постепенное изменение сознания, формирование новых ценностных ориентаций и лояльности по отношению к имперскому центру. Российские власти, пусть и не всегда последовательно и успешно, стремились через просвещение обратить в сторону России горские элиты и часть населения, интегрировать их в общеимперское пространство не только административно, но и культурно.

Сравнивая образовательную политику с другими методами имперского утверждения, следует признать, что в первой половине XIX века ее масштабы и непосредственное влияние были значительно меньше, чем у военно-силовых или административно-полицейских мер. Кавказская война требовала огромных ресурсов, и задачи «умиротворения огнем и мечом» часто выходили на первый план (Дубровин, 1871, с. 25). Однако

стратегически мыслящие чиновники понимали, что прочное присоединение Кавказа невозможно без определенной степени культурной и ментальной интеграции его народов. Представители административно-бюрократической элиты империи, разрабатывавшие проекты реформ для Кавказа, подчеркивали важность «нравственного завоевания» края, которое должно было следовать за военным (Киняпина, 1983, с. 40).

Долгосрочные перспективы образовательной политики, даже при ее начальной слабости, были связаны с формированием слоя местного населения, способного понимать и транслировать российские интересы, участвовать в управлении регионом на низовом уровне и способствовать его модернизации. Выпускники немногочисленных школ и те, кто получил образование в России, становились проводниками новых идей, хотя их влияние на основную массу населения было пока незначительным. Тем не менее сам факт появления таких людей свидетельствовал о начале медленного процесса трансформации традиционных горских обществ.

Важным аспектом было распространение русского языка. Он становился не только языком администрации и армии, но и языком межнационального общения в многоязычном регионе, а также каналом доступа к русской и через нее – к европейской культуре. Даже элементарная грамотность на русском языке открывала для горца новые возможности. В документах Кавказской археографической комиссии можно найти прошения от горцев, овладевших русской грамотой, с просьбами о принятии на службу или о содействии в торговых делах, что свидетельствует о практической ценности таких знаний в глазах определенной части местного населения (АКАК, 1885, с. 512).

Конечно, процесс распространения российского образования и влияния не был однонаправленным и бесконфликтным. Он встречал сопротивление, порождал культурные коллизии и не всегда приводил к ожидаемым результатам. Однако нельзя отрицать, что заложенные в первой половине XIX века основы образовательной системы, пусть и весьма скромные, стали отправной точкой для ее дальнейшего развития во второй половине столетия, когда после окончания Кавказской войны интеграционные процессы приобрели более интенсивный и системный характер. С пророссийских позиций эти усилия, несмотря на все издержки и трудности, несли в себе цивилизаторский заряд, способствуя постепенному включению народов Северного Кавказа в более широкое культурное и образовательное пространство.

Заключение

Исследование роли образования и просвещения на Северном Кавказе в первой половине XIX века как фактора распространения российской власти позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, имперская образовательная политика в регионе, несмотря на свою ограниченность и фрагментарность на начальном этапе, являлась неотъемлемой частью общей стратегии России по интеграции этого сложного и стратегически важного пространства. Она была направлена не только на обеспечение нужд администрации в переводчиках и мелких служащих, но и на более глубокую цель – постепенное формирование лояльности местного населения, прежде всего его элитных слоев, и распространение российского культурного влияния.

Во-вторых, основными формами образовательной деятельности в первой половине XIX века были аманатские школы, обучение в военных структурах, а также первые попытки создания светских школ для горцев и отправка отдельных представителей горской молодежи в российские учебные заведения. Приоритетное внимание уделялось изучению русского языка, который рассматривался как ключевой инструмент коммуникации и интеграции.

В-третьих, реализация образовательных инициатив сталкивалась со значительными трудностями: продолжающаяся Кавказская война, финансовые и кадровые проблемы, языковой барьер, социокультурные и религиозные различия, а также активное или пассивное сопротивление со стороны значительной части горского населения и влиятельного мусульманского духовенства. Тем не менее, несмотря на эти препятствия, определенные результаты были достигнуты. Постепенно формировался, хотя и очень немногочисленный, слой горцев, владеющих русским языком и в той или иной степени приобщенных к русской культуре. Эти люди играли роль посредников и способствовали медленному процессу аккультурации.

В-четвертых, образование выступало одним из инструментов «мягкой силы» Российской империи, дополняя военно-административные методы утверждения власти. Хотя его непосредственное воздействие в первой половине XIX века было не столь значительным, как силовые методы, оно закладывало основы для будущей более глубокой интеграции северокавказских народов в общероссийское пространство. Эти усилия несли в себе прогрессивное начало, способствуя распространению грамотности, приобщению к более развитым формам общественной жизни и в перспективе – к модернизации региона.

В-пятых, целью имперского образования было создание общей имперской идентичности. Через русскоязычные школы, гимназии и семинарии империя стремилась воспитать лояльный слой местных жителей, который бы служил в администрации и армии. Изучение русского языка, истории и культуры должно было привить им чувство принадлежности к великой России и ослабить местные, особенно клановые, связи. Для части элиты это было успешным: они интегрировались в имперскую систему, становясь «обрусевшими» кавказцами. С другой стороны, образование парадоксальным образом стало катализатором для формирования национальных идентичностей кавказских народов.

Таким образом, образование и просвещение на Северном Кавказе в первой половине XIX века, находясь в тесной системной взаимосвязи с военно-политической и социально-экономической историей региона, играли специфическую, но важную роль в сложнейшем процессе распространения и укрепления российской

власти. Заложенные в этот период основы, несмотря на все трудности и противоречия, стали фундаментом для последующего развития образовательной системы и культурной интеграции народов Северного Кавказа в состав Российской империи во второй половине XIX – начале XX века.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на более детальное изучение биографий выпускников первых школ, анализ учебных программ и пособий, а также на сравнительный анализ образовательной политики России на Кавказе и в других регионах империи.

Источники | References

1. Арапов Д. Ю. Система государственной регламентации ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.). М., 2004.
2. Бабич И. Л. Мусульманская жизнь горцев в контексте религиозной политики России на Северном Кавказе в XIX – начале XX вв. // Научная мысль Кавказа. 2009. № 1.
3. Блейх Н. О. К вопросу о национальном образовании на Северном Кавказе (XVIII-XIX вв.) // Universum: общественные науки. 2018. № 11-12 (51).
4. Блейх Н. О. Роль Российской империи в развитии системы просвещения у мусульманских народов Северного Кавказа // Диалог со временем. 2020. Вып. 72. <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.72.72.025>
5. Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказская война. М.: Росет, 1994.
6. Блиева З. М. Система управления на Северном Кавказе в конце XVIII – первой трети XIX в. Владикавказ: Изд-во Сев.-Осет. гос. ун-та, 1992.
7. Гордин Я. А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. СПб.: Звезда, 2000.
8. Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе: в 8 т., в 3 кн. СПб., 1871. Т. 1. Кн. 3.
9. Киняпина Н. С. Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX веке // Вопросы истории. 1983. № 4.
10. Кошев М. В. Из истории образования горских народов Северного Кавказа в XIX – начале XX века. Нальчик, 1991.
11. Санеев С. А. «Век служи, Раевский, с нами, мы с тобою и штыками опрокинем свет». Основатель Новороссийска генерал-лейтенант Н. Н. Раевский – герой войны 1812 года и друг А. С. Пушкина // Военно-исторический журнал. 2006. № 6.
12. Сладкова Н. С. Роль мюрицизма в Большой Кавказской войне 1817-1864 гг. глазами русского общества второй половины XIX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2009. № 3 (4).

Информация об авторах | Author information

Терещенко Ольга Владимировна¹, к. истор. н.

¹ Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации – филиал в г. Ставрополе

Olga Vladimirovna Tereshchenko¹, PhD

¹ Stavropol branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

¹ tov-sk@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 30.05.2025; опубликовано online (published online): 04.07.2025.

Ключевые слова (keywords): интеграция Северного Кавказа в состав России; аманатство как способ сохранения лояльности; образование в системе факторов интеграции Северного Кавказа в состав России; просвещение в системе факторов интеграции Северного Кавказа в состав России; формирование кавказских элит, лояльных Российской империи; культурное влияние России на Кавказе; образовательная политика Российской империи на Кавказе; integration of the North Caucasus into Russia; amanat system as a means of maintaining loyalty; education as a factor in the integration of the North Caucasus into Russia; enlightenment as a factor in the integration of the North Caucasus into Russia; formation of Caucasian elites loyal to the Russian Empire; Russian cultural influence in the Caucasus; educational policy of the Russian Empire in the Caucasus.